

Сказка Туве Янссон " Тайна хатифнаттов "

Однажды, давным-давно, случилось так, что Муми-папа, без каких бы то ни было объяснений, ушел из дому и даже сам не понял, почему он это сделал.

Муми-мама говорила потом, что в то время он казался ей на удивление странным, но возможно, он был таким всегда. Так обычно думают позже, когда кто-нибудь становится замкнутым и печальным.

– Но все же Муми-папа однажды исчез.

– Снусмумрик сказал, что Муми-папа решил отправиться с хемулем половить немного албрунов, но, по словам хемуля, Муми-папа сидел на веранде, а потом заявил, что погода теплая и скучная, и причал нуждается в ремонте... В любом случае, Муми-папа причал ремонтировать не стал, тот, как и раньше, стоял, скособочившись, и лодка к тому же оказалась на месте.

– Муми-папа мог отправиться куда угодно, и проследить за ним не было никакой возможности.

– Он вернется, – заявила Муми-мама. – Он ничего не сказал, потому что должен вскоре вернуться. Я уверена, что он вернется, когда запланировал.

Никто не беспокоился. Муми-тролли никогда попусту не беспокоились друг о друге. Каждый готов был прийти на помощь, но все пользовались неограниченной свободой. Муми-мама начала что-то вязать, а сам Муми-папа где-то далеко на западе долго раздумывал, что это взбрело ему в голову уйти из дома.

Виноватым во всем оказался мыс, который он однажды видел на семейном пикнике. Мыс сильно выдавался в море. Небо было желтым, а легкий ветерок возвещал о приближении ночи. Муми-папа так никогда и не увидел, что скрывается по ту сторону мыса. Семья хотела к чаю вернуться домой. Всем давно уже не терпелось отправиться домой, но Муми-папа стоял и стоял на берегу, всматриваясь вглубь залива. И в этот момент появилось множество маленьких белых лодочек под парусами. Они плыли куда-то за мыс.

– Хатифнатты, – объяснил хемуль, и в этом слове таилось что-то выразительное. Маленькие, скользкие, осторожные и обладающие совершенно незапятнанной репутацией. И все же, они были чужеземцами, немного пугающими, иными.

Вдруг Муми-папу пронзила мысль: "Не надо мне никакого чая, опостылела мне эта веранда".

Прошло время, но та картина не покидала его воображение. И вот однажды в полдень Муми-папа ушел.

Тот день выдался теплым.

Муми-папа не задумывался о своем поступке, и ничуть не переживая, отправился вперед, прикрыв глаза полями шляпы и насвистывая. Вверх и вниз по холмам. Деревья встречали и провожали его.

Тени постепенно начали удлиняться.

Наконец, солнце скрылось за морем. Муми-папа вышел на пологий каменистый берег и остановился. Он даже о пикнике забыл.

Раньше он тут не бывал. Серое и унылое побережье, которое подсказывало лишь то, что здесь кончается суша и начинается море.

Муми-папа подошел к воде и осмотрелся.

В этот миг мимо берега проплыла маленькая белая лодка, подгоняемая ветром.

– Куда это они? – поинтересовался Муми-папа.

В белой лодке сидело три совершенно белых, как лодка и парус, хатифнатта. Один у руля, двое у мачты. Все трое так пристально вглядывались в море, что казались поссорившимися. Выглядели они очень молчаливо и все их помыслы были лишь о движении вперед. К горизонту, к краю мира, который, может быть, и существовал. По крайней мере, так говорили. Хатифнаттов ничего не заботило, но они выглядели наэлектризованными, словно перед штормом. Опасная компания для тех, у кого есть гостинные комнаты и веранды.

Хатифнатты всегда интересовали Муми-папу, но ему не с кем было прямо и откровенно поговорить. Он толком не знал, где в рассказах о хатифнаттах правда, а где вымысел.

Теперь же Муми-папа дрожал от кончика носа до кончика хвоста, с волнением наблюдая за лодкой. Хатифнатты, похоже, его не замечали.

Со слабым скрежетом лодка ткнулась в берег и замерла.

Хатифнатты выпучили круглые бледные глаза на Муми-папу. Муми-папа же приподнял шляпу и начал что-то объяснять. Пока он говорил, хатифнатты то и дело подавали ему какие-то знаки. Это сбило Муми-папу с толку. Он внезапно почувствовал себя беспомощно запутавшимся в верандах, горизонтах, размышлениях о свободе и чаепитии, хотя, конечно же, никто никакого чая пить не хотел. Наконец, Муми-папа в смущении замолчал. Хатифнатты тоже замерли, перестав жестикулировать.

"Почему они ничего не говорят?" – нервничая, думал Муми-папа. – "Может, не слышат меня или думают, что я слабоумный?"

Он протянул руку и попытался сказать что-нибудь дружелюбное, но хатифнатты по-прежнему не двигались. Только их глаза стали менять цвет, становясь желтыми, как вечернее небо.

Муми-папа спрятал руку за спину и неуклюже поклонился.

Хатифнатты привстали и поклонились в ответ. Они проделали это дружно и одновременно.

– Благодарю, – пробормотал Муми-папа.

Он больше не пытался объяснить, просто вскарабкался на борт. Небо сделалось лимонным, точно наступила какая-то иная эпоха. Лодка медленно отплыла от берега. Никогда Муми-папа не чувствовал себя так легко и радостно. Он обнаружил в себе великолепную перемену, но ничего не сказал. Он просто сидел, вглядываясь в горизонт и слушая шорох волн.

Когда побережье исчезло, над морем встала полная луна, круглая и желтая. Никогда раньше Муми-папа не видел такую одинокую и желтую луну. Море, лодка и три молчаливых хатифнатта.

И, конечно, горизонт – горизонт, там, вдали, где скрываются великолепные приключения и безымянные тайны. И свобода.

Муми-папа решил тоже стать молчаливым и таинственным, как хатифнатты. "Уважают тех, кто молчит. Все считают, что они ведут очень насыщенную жизнь и знают массу вещей".

Муми-папа рассматривал хатифнатта, стоявшего у руля. Он хотел сказать рулевому чего-нибудь дружелюбное, как-нибудь высказать свое понимание происходящего, но ничего не сказал. Естественно, Муми-папа не нашел нужных слов – тех, что прозвучали бы правильно.

"Что мюмла говорила о хатифнаттах? Прошлой весной, как-то за обедом она сказала, что они ведут вредный образ жизни. А Муми-мама добавила: "Не надо так говорить". А Мю заинтересовалась: "Что бы это значило?". Но больше Муми-папа ничего не мог вспомнить.

"Может, они просто ведут дикую и свободную жизнь?"

Муми-мама еще говорила, что не верит, чтоб кому-то нравилось вести вредный образ жизни, но Муми-папа не соглашался с ней. "Хатифнатты как-то связаны с электричеством, – утверждала мюмла. – Они могут читать мысли, но если заговорить с ними, отворачиваются".

Муми-папа быстрым взглядом окинул хатифнаттов. Они по-прежнему махали руками. "Ах, как ужасно, – решил Муми-папа. – Может, они сидят и читают мои мысли, размахивая руками? Тогда, выходит, я их обидел..." Муми-папа попытался отогнать плохие мысли, очистить голову и забыть то, что он думал о хатифнаттах. Но это было не так-то просто. Если б он только мог поговорить с ними! Отличный путь избавиться от нехороших мыслей.

Муми-папа задумался не об ожидающих его великих опасностях, а о дружбе. Теперь хатифнатты должны решить, что ошиблись и перед ними простой любитель веранд. Тут Муми-папа разглядел впереди в море маленький черный утес, залитый лунным светом.

Тогда ему в голову пришла совершенно простая вещь: "Вон в море остров, а прямо над ним луна. Она плавает в угольно-черной воде. Желтая на темно-синем". Муми-папа тяжело вздохнул, продолжая думать лишь о красоте природы, и хатифнатты перестали жестикулировать.

Берега острова оказались очень крутыми, хотя сам остров был маленьким.

Он темной массой выступал из воды и напоминал голову морского змея.

– Причалим? – спросил Муми-папа.

Хатифнатты не ответили. Они подружились к берегу и отыскивали удобную расщелину. Даже не глядя на Муми-папу, они вскарабкались на утес. Муми-папа видел, как они ползли вверх, пригибаясь под ударами ветра и подавая друг другу тайные знаки. – Ничего не понимаю, – объявил Муми-папа и тоже выбрался на берег. – Но если я спрашиваю: "Причалим?", а потом вижу, что мы, в самом деле, причаливаем, не проще ли было сразу нормально ответить. Другие слова – и я бы не чувствовал себя так одиноко.

Муми-папа выпалил это одним духом.

Утес был крутым и скользким. Неприятный островок. На нем даже ничего не росло. Ни цветов, ни мха – ничего.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тут–то Муми–папа сделал очень странное и неприятное открытие. Остров кишел красными паучками. Очень маленькие, бесчисленные, они красным покровом покрывали весь черный утес.

И они не сидели на месте, они изо всех сил карабкались наверх. Весь остров тонул в лунном свете.

Муми–папа ощутил слабость в коленях.

Он переступил с ноги на ногу, поджимая хвост и наблюдая за соревнованием пауков. – Я не хочу давить вас, – бормотал Муми–папа, – Но поймите меня, я должен вернуться на судно... Какие они маленькие, как их много... и все такие неприятные...

Муми–папа беспомощно взглянул на хатифнаттов и разглядел их силуэты на фоне луны на вершине утеса. Один из них что–то нашел, но Муми–папа не смог разглядеть, что именно.

Правда, сейчас Муми–папе было все равно, вернулся в лодку на цыпочках, словно кошка, хотя все же немало пауков передавил. Потом он вспоминал об этом с отвращением.

Муми–папа замер в лодке. Вскоре и его спутники отправились назад, пробираясь по красному ковру.

Муми–папа представил, как, проснувшись, он скажет Муми–маме:

– Вообрази себе, дорогуша, я встретился с таким количеством пауков...

А Муми–мама ответит:

– Ах, бедный Муми–папочка... это всего лишь сон. Здесь нет никаких пауков... Хатифнатты не торопились, но, наконец, отчалили.

Лодка вошла в тень острова.

– Какое счастье, что вы вернулись! – верещал Муми–папа. – Я и раньше не любил пауков, старался как можно реже говорить о них. А вы ведь нашли там что–то интересное?

Хатифнатты спокойно рассматривали Муми–папу желтыми, как луна, глазами.

– Я говорю, вы что–то нашли, – повторил Муми–папа, немножко покраснев. – Конечно, если это секрет, оставьте его себе. Но потом–то вы мне хоть что–нибудь расскажете?

Хатифнатты сидели совершенно неподвижно, только таращились на Муми–папу.

Муми–папа вконец раскраснелся и закричал:

– Вы что, любите пауков? Вам они нравятся или нет? Я хочу знать!

После долгой паузы один из хатифнаттов шагнул вперед, вытянув руку. Может быть, это что–то и означало. А может, он шептал что–то против ветра.

– Простите... – неуверенно начал Муми–папа. – Я вижу... – Тут он почувствовал, что хатифнатты извиняются перед ним за пауков.

Может, они и в самом деле не могли с ними ничего поделать. Но самое печальное заключалось в том, что ни хатифнатты, ни Муми–папа не могли ничего друг другу сказать. Муми–папа почувствовал себя сильно, разочарованным, хатифнатты показались ему чуть ли не детьми. Он попытался повнимательнее присмотреться к ним и тут–то разглядел их находку: маленький свиток коры, какие порой крутит море и выбрасывает на берег. Издали свиток напоминал документ, и торчащий внутренний краешек его выглядел белым и шелковистым. В чем же тайна? Муми–мама использовала такие свитки, чтобы снимать с плиты горячий чайник. Может, этот свиток чем–то отличается от других? Но Муми–папа не заметил ничего особенного. Ему стало холодно, и он свернулся калачиком на дне лодки вздремнуть. Хатифнатты не чувствовали холода, они реагировали только на электричество. И еще они никогда не спали.

Муми–папа проснулся на заре. У него затекла спина, и он замерз. Он чувствовал, как волны то поднимали и несли лодку, то бросали ее. Его чуть тошнило: не все Муми–тролли были прирожденными путешественниками.

Один из хатифнаттов, присев поблизости, внимательно наблюдал за ним. Теперь его глаза казались серыми, но руки непрерывно двигались. Может хатифнатт что–то говорил своим приятелям, или жестикуляция помогала ему думать. Голова его была круглой и совсем без шеи.

"Большинство из них похожи на длинные белые носки, – подумал Муми–папа – Немного протертые на пятке и политые пенистой резиной".

Муми–папа почувствовал новый приступ тошноты. Он вспомнил прошедшую ночь. Пауков. Впервые в жизни он испугался.

– Успокойся, успокойся, – прошептал сам себе Муми–папа, и тут его взгляд натолкнулся на свиток коры. Уши насторожились. Но кора просто перекачивалась от борта к борту по дну лодки, в такт покачиванию.

Муми–папа забыл о морской болезни. Он подобрал кору. Быстро взглянув на хатифнаттов, он взял кору в руки. В тот же миг он почувствовал удар тока, не сильный, такой же, какой бывает порой, если попробовать батарейку на язык. Просто Муми–папа не был к этому готов.

Полежав на дне лодки, Муми–папа задумался. Потом осторожно развернул свиток но тот оказался простым куском коры. Никакой карты сокровищ. Никакого зашифрованного письма. Ничего.

Или это визитная карточка, которую оставили на острове одни хатифнатты, а выбрали другие? Удар током вместо дружеского приветствия? Или письмо, написанное невидимыми чернилами? Муми–папа осторожно свернул кору.

Хатифнатты печально посмотрели на него Муми–папа покраснел.

– Мы же в одной лодке, – заявил он. И потом проделал несколько жестов, подражая хатифнаттам и выражая свою беспомощность.

Ветер таинственно подвывал в вышине, море гнало серые волны к краю мира, и Муми папа печально подумал: "Если это – "вредная жизнь", я готов съестъ свою шляпу". Они проплывали мимо множества островов, но все они были чересчур маленькими печальными и пустынными. Их даже не наносили на карты. И только хатифнатты время от времени посещали их. Хотя эти скалы утесы, забытые пока, наверное, были горами давным–давно скрывшейся под водой земли Очень уж трудно было назвать их островами Ветры свистели вокруг. Желтая луна все росла, да и волны тоже. Море каждую ночь становилось угольно черным.

Но хатифнатты посещали пустынные острова. Иногда они находили берестяные свитки, а иногда ничего не находили. Но на вершине каждого островка хатифнатты оставляли свой маленький берестяной свиток.

"Они думают, – размышлял Муми–папа, – что гораздо важнее всех остальных. Я отправился вместе с ними показать, что мне это тоже известно".

Больше путешественники не встречали красных пауков, но Муми–папа вспоминал о них каждый раз, когда лодка причаливала. Потому что острова, которые хатифнатты оставляли за спиной, ничуть не походили на острова для пикников: с зелеными зарослями, пляжами, тентом, бутербродами, припрятанными в тени в лодке, бутылками сока, зарытыми в песок, и отдыхом на нагретых солнцем валунах. Мысли о таких вещах делали Муми–папу немного печальным.

Надо отдать должное, Муми–папе стали приходиться в голову необыкновенные и удивительные мысли. Чаше и чаще он задумывался о вещах, которым раньше в изнеженной, тепличной жизни не придавал значения. Все чаще он задумывался о своем будущем.

Мысли Муми–папы скользили вперед, как лодка. Он не предавался воспоминаниям, не видел снов. Его мысли походили на волны, которые очень хотели, но никак не могли достигнуть горизонта.

Иногда Муми–папа пытался говорить с хатифнаттами. Тогда он, как и хатифнатты, садился лицом к морю, его глаза становились бледными под цвет неба. И когда в поле зрения появлялся новый островок, Муми–папа раз или два шлепал хвостиком по палубе.

Однажды, когда они медленно покачивались на волнах, Муми–папа подумал: "Не удивлюсь, если начну смахивать на хатифнатта".

Был очень теплый день, а к вечеру над морем повис туман. Тяжелый, вихревато–красноватый туман. Муми–папе показалось, что он выглядит угрожающим и немного живым.

Морские змеи фыркали, то и дело всплывая в отдалении. Муми–папа видел, как в отдалении поблескивает их кожа. Круглые, темные головы змей следили за хатифнаттами, иногда змеи хлопали по воде хвостами и тут же исчезали в тумане. "Они как и пауки боятся, – думал Муми–папа. – Все боятся хатифнаттов..."

Отдаленный гром внезапно нарушил тишину, но потом все опять стало тихо, тишина я неподвижность вернулись.

Гром подействовал на Муми–папу удручающе. Он не имел никакой защиты против него. Он был совершенно свободен, но уже не радовался этому.

Наконец, лодка хатифнаттов встретила в тумане какое–то судно. Муми–папа вскочил на ноги. На мгновение он снова стал старым Муми–папой; он подбрасывал свою шляпу, что–то кричал. Странное судно приблизилось. Оно оказалось белым и парус его был белым. И существа на борту – тоже белые...

– Ох, я вижу, – вздохнул Муми–папа. Он сел.

Две лодки поплыли вместе в том же направлении. А потом из темного тумана выплыло еще одно судно. И все продолжали свой путь в том же направлении. Сперва лодок было семь, потом пять, потом одиннадцать, а один раз осталась всего одна лодка, но вскоре лодки стали опять появляться.

Густой туман рассеялся, превратившись в красноватый вечер. Море казалось набитым лодками. Все они стремились к острову, на котором не было ни деревьев, ни высоких утесов.

Снова прогремел гром. В вышине появилось темное облако, которое подбиралось ближе и ближе.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Лодки одна за другой опускали паруса и причаливали рядом друг с другом. Белые печальные существа направо и налево, насколько хватало глаз. Они не разговаривали, только жестикулировали. Они вытоптали всю траву у берега. Муми-папа стоял в сторонке. Он пытался определить в толпе своих хатифнаттов, но не смог. Он же был знаком с ними... поверхностно. Очень поверхностно. Но те исчезли в толпе, и Муми-папа не мог отличить их от многих сотен хатифнаттов. Тут Муми-папа испугался, как и на острове, пауков.

Он надвинул шляпу на глаза и попытался выглядеть как можно незаметнее. Шляпа Муми-папы была единственной настоящей вещью на островке, где все было белым, шуршало и казалось неопределенным.

Муми-папа больше даже сам себе не доверял, но верил в свою шляпу. Черная и внушающая доверие, внутри у нее Муми-мамой была вышита надпись; "МП от ММ", чтобы ее не перепутали ни с какими-нибудь другими шляпами.

Причалила последняя лодка, и последние хатифнатты высадились на берег. Они оглядели Муми-папу красными глазами, а потом пошли прямо к нему.

"Наверное, хотят драться", – почему-то подумал Муми-папа, сильно испугавшись. Он почувствовал желание побороться, покричать так как понял, что произошла какая-то ошибка и нужно куда-то спрятаться.

Однако хатифнатты не собирались драться.

Они лишь обменялись с Муми-папой поклонами, а потом с ним обменялись кивками все остальные сотни хатифнаттов, и Муми-папа поднимал шляпу и кланялся, до тех пор, пока не почувствовал головную боль. Сотни рук взлетали, приветствуя Муми-папу.

Когда последний хатифнатт прошел мимо Муми-папы, тот забыл все свои предыдущие опасения. Теперь он вежливо и с лаской думал о хатифнаттах, застыв со шляпой в руках.

В небе зарождалась буря и, казалось, в небе появилась стена, готовая рухнуть вниз. В вышине завывал ветер, подгоняя маленькие иссеченные обрывки облаков перед решающей битвой.

Ближе к морю внезапно возникло электрическое свечение, то гаснущее, то вспыхивающее вновь.

Хатифнатты столпились в центре острова. Они повернулись к югу, где зарождался шторм. Хатифнатты стали светиться, будто маленькие лампочки, вспыхивая синхронно свечению. Трава вокруг них сверкала от электричества.

Муми-папа улегся на живот и уставился в зеленую траву. Свечение, ласковая травка на фоне темнеющего неба. Дома в кресле-качалке на диванных подушках Муми-мамы он не чувствовал себя лучше, чем на папоротниковых листьях этого островка. Бледно-зеленые листья против темного фетра. Очень красиво.

Гром загрохотал ближе. Муми-папа почувствовал сотрясение и сел. Пошел дождь. Внезапно все хатифнатты начали жестикулировать, словно подгоняя ветер. Они качались, кивали и танцевали. Тонкая комариная песня разлилась над одиноким островком. Вой хатифнаттов, одинокий и тонкий звук, похожий на ветер в ущелье. Муми-папе невероятно понравилась песня хатифнаттов.

Муми-папа почувствовал уколы в ушах. Его руки задрожали. Он встал и попытался подойти к хатифнаттам. "Их тайна сокрыта в буре, – догадался Муми-папа. – Они, видимо, уже видели бури, похожие на эту..."

На остров опустилась темнота, огни пробежали по небу, словно вихрь опасной белой и шипящей жидкости. Далеко в вышине ревел ветер, а потом ударил гром. Свирепый грохот усиливался.

Словно тяжелые вагоны с камнями ездил по небу туда-сюда. Ветер схватил Муми-папу и стал прижимать назад к земле.

Муми-папа сел на землю, придерживая шляпу. Он чувствовал, как его обдувает ветер.

Внезапно он подумал: "Нет. Что же со мной? Я же не хатифнатт. Я – Муми-папа... Что я здесь делаю?"

Он оглядел стоящих вокруг хатифнаттов и все понял. Он понял, что только великие бури давали хатифнаттам жизненную силу.

Хатифнатты заряжались. Только электричество могло подарить им жизнь, и они искали его.

Они совершали дальние путешествия. А может, собравшись большой толпой, они сами могли вызвать бурю...

"Да, так и должно было случиться, – подумал Муми-папа. – Бедные хатифнатты. А я сидел на своей веранде, веря, что они замечательные и свободные, потому что никогда не говорят лишних слов и ничего не делают..."

Разверзлись небеса, и хлынул ливень. Засверкали белые молнии.

Муми-папа вскочил на ноги. Его глаза теперь сделались синими. Он громко воскликнул:

– Я уезжаю домой! Я уплываю.

Он повернулся против ветра, натянул шляпу по самые уши. Потом он побежал к берегу, прыгнул в лодку, поднял парус и направился прямо в бурное море. Муми-папа снова стал самим собой, к нему вернулись его мысли, и он мечтал очутиться дома.

– Никогда больше не стану исчезать, – шептал он сам себе, пока его лодка летела по волнам. Никто не гнался за ним, но Муми-папа не спал и чувствовал холод, не ошибался в выборе маршрута. Он никогда так не был счастлив. Но его терзали угрызения совести...

Как ужасно...

И все же Муми-папа чувствовал себя очень счастливым и больше не боялся бури, "Однако, дома у нас никогда не будет электричества – решил Муми-папа. – Мы сохраним старые керосиновые лампы".

Муми-папа страстно желал оказаться на веранде своего дома со своей семьей. Внезапно он подумал, что наверное только там и возможно стать самым свободным и любящим приключения Муми-папой.